

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

ISSN 0131-6044
9 770131 604002

РОМАН №2 2023 ГАЗЕТА

Сергей Степняк-Кравчинский / Андрей Кожухов

* * *

Л. Васильевой

Мы — последние этого века.
Мы великой надеждой больны.
Мы — подснежники.
Мы из-под снега,
Сумасшедшего снега войны.

Доверяя словам и молитвам
и не требуя блага взамен,
мы по битвам прошли,
как по бритвам,
так, что ноги в рубцах до колен.

И в конце прохрипим не проклятья —
о любви разговор поведем.
Мы последние века.
Мы братья
по ладони, пробитой гвоздем.

Время быстро идет по маршруту,
бьют часы, отбивая года.
Вроде встретились мы на минуту,
а прощаемся вот навсегда.

Так обнимемся.
Путь наш недолог
на виду у судьбы и страны.
Мы — подснежники,
мы из-под елок,
мы — последняя нежность войны.

* * *

Надо ждать всемирного потопа,
Если так слепы мы и глухи.
Что тут скажешь, матушка-Европа,
Велики всеобщие грехи.
Вот и задыхаемся от зноя,
Шапки полюсов уже парят.
Но вторично праведного Ноя
Не пошлет Господь на Арарат.
Плутократов или коммунистов, —
В этот раз он не попустит всех.
Не деля на чистых и нечистых,
Никого не унесет ковчег.
Мы других и чисто, и глубоко
Так и не любили никогда.
Солнышко горит, как Божье око,
Глубока библейская вода.

Памяти Владимира Кострова

1935–2022

МОСКОВСКИЙ ДВОРИК

Сварен суп... пора делить приварок...
...Весь заросший, черный, словно морж,
На скамейке возле иномарок,
Холодея, помирает бомж.

Над скамейкою стоит ужасный
Липкий запах грязи и мочи.
И взывать к кому-нибудь напрасно:
Потеряли жалость москвичи.

Телевизор учит выть по-волчьи —
Дикторы бесстрастны и ловки.
Диво ли, что злость в крови клокочет,
Отрастают когти и клыки?

Бомж хрипит от наркоты иль спьяну —
Холодна последняя кровать.
Неужель я оборотнем стану,
Чтобы слабых гнать, и глотки рвать,

И считать, что только в силе право,
Думать: что хочу, то ворочу?
Господа! Не надо строить храмы
И держать плакучую свечу.

Сварен суп. Пора делить приварок.
Падает, как саван, свежий снег.
Дворик спит. А возле иномарок
Умирает русский человек.

ПАМЯТИ ГЕОРГИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА СВИРИДОВА

Незримы и невыразимы,
Лишенные телесных пут,
Рождественские серафимы
Теперь Свиридову поют.

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор
Юрий Козлов

Редакционная
коллегия:
Дмитрий Белюкин
Алексей Варламов
Анатолий Заболоцкий
Владимир Личутин
Юрий Поляков

Ответственный
редактор
Елена Русакова

Права
на использование
товарного знака
«Роман-газета»
принадлежат
ООО «Роман-газета»
© ООО «Роман-газета», 2023
Все права защищены

Журнал зарегистрирован
в Министерстве связи
и массовых коммуникаций РФ.
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-68350
от 30.12.2016 г.

Подписаться
на журнал «Роман-газета»
можно в отделениях связи
и через Интернет:
roman-gazeta-1927@yandex.ru

**Подписные
индексы издания:**

в объединенном
каталоге

«Пресса России»

38915 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»

П1526 на полугодие

Точка зрения автора может
не совпадать с позицией
редакции

2023 №2 /1919/ Основана в 1927 г.

Сергей Степняк-Кравчинский

Андрей Кожухов

Роман

Глава X
КРИЗИС

Однажды вечером Андрей и Таня сидели одни на ее квартире. Было довольно поздно, и в доме все погрузилось уже в первый глубокий сон. Они вернулись полчаса тому назад с очень успешного собрания у одного из товарищей. Вечер был необыкновенно удачный. Таня читала очень трогательный рассказ из народной жизни. Под впечатлением этого рассказа она одушевилась и говорила необыкновенно хорошо. Теперь она вернулась домой в самом приятном настроении. Андрей, по обыкновению, провожал ее. Он тоже был в хорошем расположении духа и не мог устоять против желания зайти на полчаса под предлогом, что недурно было бы выпить чаю после таких продолжительных рассуждений.

У Тани был с собою ключ от квартиры. Ее квартирная хозяйка уже спала. Чтобы не беспокоить ее, они решили сами позаботиться о чае. С большими хлопотами и смехом им удалось поставить самовар и опустошить шкаф с провизией, причем Таня осторожно вытащила ключи у хозяйки из-под изголовья: старушка всегда прятала их на ночь под подушку.

Когда все оказалось на столе, оба вдруг сделали открытие, что они очень голодны. Они с удовольствием поужинали и весело разговаривали.

Андрей коснулся прочитанного рассказа.

— Нужно рекомендовать эту книжку нашим друзьям, — сказал он. — Сколько помню, ни одна так сильно не действовала на рабочих. Необходимо внести ее в обычный список нашей литературы.

Таня согласилась и обещала взять книжку с собою в первый же раз, как пойдет к Лене.

— Но, может быть, не конь, а наездник выиграл приз, — сказал с улыбкой Андрей. — Я надеюсь, что после вашего сегодняшнего успеха вы не станете более сомневаться в ваших способностях и блестящем будущем как пропагандистки среди рабочих.

— Да, я надеюсь сделать кое-что в этом направлении, — сказала Таня, счастливая, как жаворонок, расправляющий молодые крылья при первом полете. — Теперь я одного боюсь: привыкну обращаться с рабочими и, пожалуй, разучусь разговаривать с интеллигентами.

— Разве вы много от этого потеряете? — ласково заметил Андрей.

Начало см. в № 1—2023.

— Конечно, в особенности теперь, — с живостью воскликнула Таня.

— Почему? — осведомился Андрей.

Слова девушки несколько резнули его ухо.

— А потому, что я хочу испытать свои силы и на этом поприще. Мне так хочется заварить кашу среди моих старых приятельниц. Жорж сказал вчера, что мы едем в Москву недели через две.

Сердце у Андрея похолодело. В сущности, Таня не сообщила ему ничего нового. Он, конечно, не забыл о предстоявшей ей поездке в Москву с Жоржем. Он не мог этого забыть, если бы даже хотел, — это была одна из зловреднейших птиц, посещавших его ниву, и спугивать ее было нелегко. Он был приготовлен к этому известию, но не ожидал, чтобы она так радовалась перспективе расстаться с ним и с работой, к которой, он полагал, она так привязана. Больше всего его огорчил тон, в каком она говорила.

Он устремил печальный взгляд на прекрасное, счастлирое лицо, тщетно стараясь найти в нем что-нибудь более соответственное его собственным чувствам.

— Вам очень хочется в Москву? — спросил он упавшим голосом.

Таня ничего не сказала в ответ. С закрытыми глазами и сияющей улыбкой на устах она только несколько раз утвердительно кивнула головой.

Ее раскрасневшееся лицо как будто досказывало остальное. Она расставалась с ним без сожаления, как с чужим! Он ничего не значил для нее, между тем как она была всем для него. Она удовлетворялась его обществом за неимением лучшего. Как только он исчезнет с ее горизонта, она забудет о его существовании.

Губы Андрея побледнели.

— Я хорошо понимаю, что вас должна очень радовать поездка в Москву, — сказал он медленным, спокойным голосом, хотя внутри у него все кипело от злобы. — Такая скука — вечно повторять одно и то же кучке простых рабочих. То ли дело одерживать победы среди интеллигенции, которая вас будет воспевать и распространять вашу славу во все концы!

Девушка была поражена таким оскорбительным обвинением. Так ли она его поняла? Но, подняв на него широко раскрытые, изумленные глаза, она едва узнала его холодное, суровое лицо, до того всегда дружеское и ласковое.

— Неужели вы считаете меня такой легкомысленной? — проговорила она.

Голос ее дрогнул. Слезы сверкнули в глазах.

При виде ее слез жгучее чувство раскаяния охватило Андрея. Он готов был броситься к ее ногам и умолять о прощении за первое огорчение, причиненное ей. Но какой-то злой дух овладел им и наполнил его слова желчью и ядом.

— Как же мне иначе к вам относиться, — продолжал он с запальчивостью, — когда вы сами заявляете, что горите нетерпением бросить дело, по ва-

шим же словам, такое вам дорогое; когда перспектива блистать в привилегированной среде, между светскими пустомелями, кружит вам голову; когда...

Он не мог продолжать и, схватив шляпу, выбежал не попрощавшись.

С этого вечера все омрачилось. Они кое-как помирились на следующее утро, но примирение ничего не поправило. Самая основа их дружбы была подорвана. Андрей больше не верил в существование той нравственной связи между ними, на которую он до сих пор возлагал так много надежд.

Когда вспышка прошла, он сознался, что преувеличил, допустивши, что Таня к нему совершенно равнодушна. Он соглашался, что она, пожалуй, сохранила к нему тепловатое чувство дружбы. Но это было хуже, чем ничего. Он жаждал всего, и то малое, что ему выпало на долю, только напоминало о том, чего ему недоставало. О ревности к Жоржу не могло быть и речи. Жорж или кто другой — не все ли ему равно? Он ревновал ко всему — ко времени, к мыслям, которых она не делила с ним. Эта нового рода ревность совершенно уничтожила старое чувство, как сильная боль заставляет нас забывать про более слабую. Очаровательная и опасная интимность их отношений сильно разожгла любовь Андрея незаметно для него самого. Теперь все прорвалось наружу, наполнив его сердце, зажигая в нем кровь. Он не мог существовать без нее, потому что в ее отсутствие он терзался мыслями о ней.

Спасаться бегством теперь было поздно. Он считал часы и минуты, когда опять представится малейшая возможность снова ее увидеть. Но как только он добивался этого счастья, воспоминания его обид подымались из самых недр его души, поглощая все хорошее и доброе в его чувствах к девушке. Самое удовольствие от ее присутствия отравлялось для него. Прежняя глубокая радость уступок и подчинения милому существу исчезла. Он чувствовал себя униженным такой зависимостью и возмущался против ее власти, способной сделать его счастливым или несчастным по произволу. Внутренняя борьба поддерживала в нем постоянное раздражение. Он сделался сварливым и придирчивым, вечно ссорился и спорил с Таней, и ему не стыдно было пользоваться своим преимуществом в диалектической ловкости, чтобы тем сильнее мучить ее.

Таня переносила его первые нападки молча, не защищаясь: они слишком сильно ее задевали. Но скоро она изверилась в справедливости Андрея и стала возмущаться против его ни на чем не основанных вспышек. Взаимное понимание, установившееся между ними за эти несколько месяцев дружеских отношений, исчезло в несколько дней. Оставаясь один, вне мучивших его впечатлений, Андрей с ужасом сознавал, как быстро росло их отчуждение. Он старался вернуть потерянное, являясь с повинной. И тотчас же начиналось повторение старого.

Таня мучилась не менее Андрея. Раз утром, придя неожиданно, он застал ее с заплаканными глазами. Он почувствовал себя величайшим преступником и готов был покаяться во всем. Но с первых же слов Таня отнеслась к нему так недружелюбно, что они рассорились хуже, чем когда-либо.

Они катились вниз по крутой наклонной плоскости и вынуждены были докатиться до конца, не имея возможности остановиться.

Близился полный, неотвратимый разрыв. Андрей желал, чтобы это случилось поскорее и положило бы предел невыносимому положению. Силою обстоятельств он принужден был бы расстаться с нею, чего он не в состоянии был сделать по собственной инициативе. И все-таки он страшился удара и делал неловкие усилия отдалить грозивший момент.

Он принял наконец решение не видаться с нею вне их общих занятий.

Пятницу он стоически провел у себя дома. Это был лучший день в неделе для Андрея, потому что не было никаких собраний и он обыкновенно уходил с Таней в город, или читал, или разговаривал с нею у нее на квартире. Теперь же он решил не бывать у нее совсем. Но ему это стоило таких усилий, что на следующий же день он пришел гораздо раньше под предлогом, что ему заранее нужно поговорить о предстоявшем собрании.

Они обсудили дело в пять минут, и ему больше не о чем было говорить. В первый раз со времени их знакомства он затруднялся в сюжете для разговора с Таней. Он пожалел, что нарушил свое решение и явился так рано только для того, чтобы разыгрывать из себя глупца. Он сразу пришел в раздражительное настроение.

— Давно ли вы видались с Лизой? — спросил он, чтобы как-нибудь наполнить неприятную паузу.

Он сделал это без умысла, но более неприятной темы нельзя было выдумать.

Лиза была светская барышня, кузина Тани. Андрей знал ее немного и недолюбливал. Кроме того, ее имя напоминало об этой несчастной поездке в Москву. Таня по приезде туда намеревалась остановиться в доме Лизы.

— Я не видалась с нею с прошлой зимы, когда она навестила нас в Петербурге, — ответила Таня коротко и серьезно.

У Тани в руках было шитье, и она усердно работала, повернувшись в профиль к Андрею.

Снова наступило молчание — натянутое, мучительное молчание, тревожно действовавшее на нервы, как подавляющее спокойствие перед бурей.

Чтобы нарушить эту невыносимую напряженность, Таня попробовала заговорить об их общей работе, доставлявшей им прежде такой неистощимый запас для обмена мыслей и чувств.

Но Андрей не поддался на уловку: он не для этого пришел. Потом, когда Таня нервно возобновила

свои попытки, он разозлился, что она заводит речь о том, что, в сущности, так мало ее занимает.

Он резко переменял разговор, повернув его на более подходящие к случаю предметы — на ее московские планы и знакомства, — и выказал глубокий, хотя и недружелюбный интерес. Таня отвечала, не подымая головы от шитья. Но ее пальцы дрожали, и иголка часто попадала вкривь и вкось. Она знала очень хорошо, что на этот раз Андрей заговорил об ее поездке с целью задеть ее. Но она дала себе слово не выходить из себя и не ссориться с Андреем до последней крайности. Через три дня она уезжает с Жоржем, а по возвращении поселится в другом участке, и ей не хотелось враждебно расставаться с Андреем.

Но ее хладнокровие, вместо того чтобы успокоить Андрея, довело его до крайнего раздражения и отчаяния. Оно доказывало ему, что он стал для нее так безразличен, что никакие его придирки не могут затронуть ее. Ему ничего не оставалось, кроме жестокого удовольствия — узнать, докуда доходит ее равнодушие к нему. Он стал осмеивать ее излюбленные планы, издеваться над ее московскими друзьями и кончил тем, что сказал, что, по его наблюдениям, революционеры из аристократии только на время драпируются в демократический плащ: так или иначе, старое обличье скажется в них, и чем скорее, тем лучше.

Этого Таня не могла перенести. Она вскочила возмущенная, негодующая.

— Послушайте, Андрей!.. — начала она голосом, дрожавшим от гнева.

Андрей тоже встал, бледный, опираясь правой рукой на стол. Злой дух, владевший им до того, исчез. Он ждал этого момента, напрашивался на него, страшился его — и вот он наступил, и Андрей готовился принять удар.

Маленькая керосиновая лампа, висевшая на стене, освещала его наклоненную голову и нахмуренные брови. Он был мрачен и подавлен.

— Андрей, — продолжала девушка, внезапно смягчившись, — объясните, почему вы с некоторых пор так изменились ко мне? Если вы находите во мне недостатки, почему вы не скажете чистосердечно, по-братски, как вы делали прежде? Если же не можете, то к чему нам терзать друг друга? Не лучше ли мирно расстаться и каждому идти своей дорогой?

Она не сердилась больше — ей стало грустно. Голос ее звучал мягко и ласково. Но Андрей еще более побледнел.

— Если б я только мог расстаться с вами, Таня! Лучше было бы никогда с вами не встречаться, — сказал он едва слышным голосом.

— Почему? Разве я причинила вам...

Она остановилась. Внезапное предчувствие чего-то большого заговорило в ней.

— Разве у вас глаз нет? — почти резко произнес Андрей. — Разве вы не понимаете, что я люблю вас до сумасшествия?

Он поднял на нее глаза и весь проникся на минуту изумлением, перешедшим в восторженную, дух захватывающую радость. Не ошибся ли он?.. Ее лицо просветлело. Она протянула к нему руки, сделала шаг вперед и, бросившись к нему на шею, залилась слезами счастья.

— Таня, моя дорогая! Возможно ли это? Ты меня любишь? — спрашивал он дрожащим голосом.

Она только ближе прижималась к нему.

— Сколько горя ты мне причинил, — прошептала она.

— Прости меня. Я сам страдал невыносимо. Но теперь все это кончилось. Мы будем счастливы с тобой! — воскликнул он торжествующим голосом. — Сами боги позавидуют нам!

Он усадил ее на стул и опустился на колени перед нею, покрывая поцелуями ее холодные руки и зардевшееся сконфуженное лицо.

Он рассказал ей подробно о поглощавшей его страсти и спросил, как это случилось, что она полюбила его. Он требовал фактов, доказательств, чтобы вполне убедиться в своем счастье, свалившемся на него с небес.

— Я думал, ты любишь Жоржа, — сказал он с улыбкой смущения и в то же время гордости.

— Жорж — лучший из людей, гораздо лучше тебя, — сказала она, сильно прижимая пальцем его лоб. — Но с того вечера, когда ты в первый раз заговорил со мною в нашем доме — помнишь? — ты овладел моим сердцем. И это чувство росло и росло... Не знаю сама почему. Должно быть, в наказание за грехи моих праотцев! — прибавила она с улыбкой, устремив на него долгий любящий взгляд.

Звук колокольчика у входной двери призвал их к действительности. Первая партия рабочих явилась на собрание.

Таня встретила их по обыкновению, и вечер прошел так же спокойно, как и всегда. Только она была особенно красива в этот вечер, как бы озаренная торжеством счастья. Но Андрей не мог подавить кипучих восторгов в своем сердце. Даже пример Тани не помог ему совладать с собою. Он попрощался со всеми и торопливо вышел.

На дворе стоял жестокий мороз. Зима покрывала белым саваном землю, деревья, дома. Но Андрей не чувствовал холода и ничего не замечал вокруг себя. В его сердце кипел источник жизни, разливавший румянец по щекам. Кровь быстрее бежала по его жилам, и он все шел, окутанный темнотою ранней северной ночи.

Это не сон, это правда, она в самом деле его любит! Ее руки покоились вот тут, вокруг его шеи, — он чувствовал еще их прикосновение. Ее первый робкий поцелуй горел на его устах. Эта ослепляющая

красота, это глубокое сердце, сокровищницы которого он один так хорошо знал, принадлежали ему всецело, ему одному и навсегда! Весь мир вокруг, люди, он сам — всё казалось ему изменившимся, обновленным, и из глубины его потрясенной души подымался хвалебный гимн отвлеченному, безликому божеству их общего поклонения; оно теперь стало живым существом, с которым можно говорить и которое услышит его горячие обеты. Он знал, что любимая им девушка не взглянула бы даже на него, если бы не его преданность великому делу, которому они оба посвятили свою жизнь.

Его мысли обратились к Жоржу, и сердце его наполнилось раскаянием и нежностью. Как он был с ним резок, как грубо относился к его неизменной ласке и доброте! Да, он должен прямо идти к нему, объяснить все начистоту и сказать: «Брат, я грешен перед небом и тобою!»

Жорж был дома и сидел, зарывшись в свои книги и рукописи. Увидев лицо Андрея, он тотчас же догадался, зачем тот пришел. Казалось, он давно был приготовлен к этому.

Он с первых же слов прекратил запутанное и смущенное признание Андрея и, пожав ему руку, пожелал счастья. Ни тени ревности нельзя было подметить в его больших голубых глазах, устремленных на счастливого соперника. Андрей нисколько не удивился, но ему показалось очень странным, что Жорж принял его объяснение как нечто само собою известное.

— Я давно знал, что она любит тебя, — спокойно заметил Жорж.

— Знал? Каким же образом? — удивился Андрей.

— Наипростейшим образом: она сама мне об этом сказала... раз как-то... — Он остановился на минуту, как бы погрузившись в воспоминания. — Вот почему, — продолжал он, — я был нем как рыба. Иначе я бы сказал.

— Сказал? Кому?

— Тебе, конечно! Кому же другому?

— Жорж, умоляю тебя, не договаривай до конца, если не желаешь окончательно подавить меня своими чрезмерными добродетелями, — сказал Андрей, стараясь под шуточным тоном скрыть свое смущение.

Жорж пожал плечами.

— Какие тут добродетели! Простая последовательность моих добрых чувств к вам обоим. Разве ты на моем месте поступил бы иначе? — спросил он, поглядывая на своего друга с напускным простосердечием.

Андрей весь вспыхнул от стыда. Он знал, что не мог бы поступить, как Жорж, и ему было неприятно сознаться в этом.

Видя, как хорошо он попал в цель, Жорж залился таким веселым, добрым смехом, что Андрей почувствовал облегчение и тоже рассмеялся.

Затем Жорж спросил серьезным тоном:

— Надеюсь, ты не приревнуешь ко мне за то, что я еду с Таней в Москву?

— Нет, я еще не унился до такого рода ревности и, надеюсь, никогда не унижусь! — воскликнул Андрей, улыбаясь. — Не считай меня хуже, чем я на самом деле.

Глава XI ПЕРЕДЫШКА

Таня обещала вернуться очень скоро и сдержала слово. Через две недели Андрей встречал ее на вокзале. Вскоре после того они поженились. Для этого не понадобилось, конечно, вмешательства попа или полицейского. Они просто объявили о своем браке близким друзьям.

Их новые отношения не изменили внешней стороны их жизни. Они возобновили прежнюю работу, хотя для этого им пришлось поселиться на другом конце города, так как старый участок стал для них небезопасен.

В одном из переулков Кронверкского проспекта они нашли маленькую квартиру из двух комнат и кухни, в которой Таня сама стряпала.

Комнаты были малы, с низкими потолками и плохо меблированы, маленькие окна почти всегда были покрыты матовым слоем инея. Мороз был еще во всей силе, хотя чувствовалось приближение весны. В солнечный день они могли любоваться видом безобразных серых домов через улицу. Ничего поэтического или живописного не было в этом жилище; в своей наготе оно казалось почти мрачным. И, однако, оно было для них земным раем — если только позволительно так выражаться, говоря трезвым языком современного человечества.

Первые захватывающие восторги счастья скоро прошли. Они не гармонировали ни с их образом жизни, ни с тем, что творилось вокруг. Но они уступили место более спокойному и более высокому счастью — общности мыслей и чувств и той бесконечной прелести взаимного изучения, которое у влюбленных начинается только после брака.

Они были так глубоко и бесконечно счастливы, как только могли это когда-либо вообразить.

Правда, одного важного элемента для полного счастья не существовало для них. Они даже не обманывали себя иллюзиями насчет его продолжительности. Наступила короткая передышка — и они это знали. Дамоклов меч¹ беспрерывно висел над их головами. Каждый день, каждый их час мог оказаться последним. Опасности, постоянно окружающие революционера, несколько раз подходили к ним очень

¹ Дамоклов меч — нависшая, постоянно угрожающая опасность. Выражение взято из древнегреческой легенды об остром мече, подвешенном на тонком волоске над головой Дамокла.

близко, как бы нашептывая *memento mori*² то Андрею, то Тане, то обоим вместе.

Но они не роптали. Опасности, сопровождавшие их жизненный путь, были в то же время светочами их любви. Что они больше всего ценили и любили друг в друге — была именно эта безграничная преданность родине, эта готовность каждую минуту пожертвовать всем ради нее. Они и любили друг друга беззаветной любовью, полной юного энтузиазма и веры, потому только, что находили друг в друге олицетворение высокого идеала, к которому стремились. Так как верность самим себе, своим идеалам и самой их взаимной любви налагала на них жизнь, полную опасностей, они не отступали. Пусть свершится неотвратимое: они не потупят глаз, что бы ни случилось.

У них не было болезненной жажды самоистребления; они оба были слишком полны бодрости и здоровья, и жизнь теперь представляла для них столько прелести. Но и страха они не знали. Мрачное будущее не портило красоты настоящего. Оно придавало лишь большую цену каждому часу, каждой минуте, проведенной вместе.

Однажды утром — в начале весны — Андрей попросил Таню прочесть ему вслух какую-то статью из новой книжки журнала, взятого у Репина, у которого они провели вечер накануне. Они очень любили читать вместе и потом обсуждать прочитанное. Но сегодня Таня отказалась читать. Лицо ее подернулось печалью чуть ли не в первый раз за четыре месяца их совместной жизни.

— Что с тобой, родная? — озабоченно спросил Андрей. — У тебя такой серьезный и торжественный вид.

Таня не могла в точности объяснить, что с нею. Ничего особенного, просто угнетенное состояние духа.

Она сидела у стола. Андрей расположился на полу у ее ног — его обычная поза, когда они беседовали вдвоем.

— Скажи, о чем ты думаешь, и я постараюсь догадаться, что тебя угнетает.

— Не стоит думать об этих пустяках. Я немного расстроена — вот и все. Пройдет само собою.

— Но я хочу знать, чем ты расстроена. Не я ли причиной? Если — да, то ты напрасно огорчаешься, потому что лучшего мужа днем с огнем не найдешь.

— Шутки в сторону, — сказала Таня, и под влиянием слов Андрея ее грустное настроение приняло определенную форму, — Теперь-то мы счастливы, — продолжала она, — но кто знает, на радость или на горе мы с тобой сошлись?

— Всякий поп, если мы позволим ему вмешаться в наши дела, скажет, что на радость и на горе, — отвечал Андрей. — Но откуда у тебя эти вопросы?

² Помни о смерти (*лат.*).

Я ничего подобного еще не слышал от тебя. Уж не жалеешь ли ты, что вышла за меня замуж?

— Нет, я не о себе говорю, — сказала она, проводя рукой по густым волосам Андрея. — Но, может быть, ты когда-нибудь пожалеешь об этом. Я часто слышала, что революционеры портятся, когда женятся.

— Так вот что тебя беспокоит! Страх за мою чистоту и беспорочность?

Но он не мог продолжать в том же тоне. Ее глубокие темные глаза смотрели на него с выражением трогательной грусти.

Горячая волна благодарности и любви поднялась в его сердце, когда он заглянул в эти дорогие ему глаза, упиваясь их ласкающим мягким светом.

— Дорогая моя, ты сделала из меня другого, лучшего человека! Ты открыла в моей душе такие источники энтузиазма, преданности и веры в людей, каких я не подозревал за собою. Тебе ли так рассуждать после этого?

— Разве? — недоверчиво проговорила она, продолжая гладить его волосы.

— Ах, если б я мог тебе объяснить! Знаешь, когда я был мальчиком, я был очень религиозен. Потом мне часто приходилось слышать, что только религия дает самые высокие, чистые настроения души. Но когда я с тобою и твоя рука покоится на моей голове или когда наедине я начинаю думать о тебе, я испытываю ту же сладость смирения, то же стремление к поклонению, ту же страстную потребность нравственной чистоты и самопожертвования, как и в былые времена религиозного детства. Я рад тогда соznаться в моих недостатках и слабостях, и я страстно желаю очиститься от них, чтобы без страха предстать потом перед тобою...

Таня слушала серьезно, сперва удивленная, потом увлеклась, поддаваясь обаянию его страстной речи. Но при последних словах она протянула вперед руки, точно этим движением она отстраняла настоящий фимиам¹.

— Андрей, прошу тебя, не говори так со мной. Я перестану верить в твою любовь, если ты будешь меня так превозносить. Я знаю, что во мне нет ничего особенного, и хотела бы, чтобы ты оценил меня по достоинству.

Андрей со спокойной улыбкой выслушал маленькое наставление. Он осторожно взял ее за руку и поцеловал один за другим ее пальцы.

— Дитя! — произнес он наконец. — Кто тебе сказал, что я тебя считаю исключительной натурой? Нет, дорогая, я уже не мальчик. Я знаю, что мы с тобой — обыкновенные смертные. Я не фантазирую на твой счет — я люблю тебя. Но разве любят только исключительное и необыкновенное? Какое печальное зрелище представляла бы вселенная, если бы оно

было так на самом деле! Я знаю, что между нашими товарищами есть женщины, такие же хорошие и преданные делу, как ты. Но мне-то что до этого? Иногда я вижу солнце и чувствую теплоту его лучей, но преспокойно занимаюсь своим делом или отдыхаю — как придется. Но завтра я увижу то же солнце, быть может, менее яркое и прекрасное, чем накануне, только облака вокруг него сложились в другой форме, цвета сгруппировались иначе, — и вот я стою перед ним, погруженный в созерцание, и оторвать не могу глаз. Я не знаю да и не хочу знать, за что я тебя люблю...

— А я знаю теперь, — прервала его со смехом Таня, — и сейчас тебе объясню. У тебя очень скромные вкусы. Я уверена, что ты способен приходить в восторг от солнца, когда оно так покрыто облаками, что, скорее, похоже на круглое масляное пятно в бумажном фонаре... О вкусах не спорят, и я согласна быть твоим солнцем на этих условиях.

Она развеселилась и радостно улыбалась. Но ее глаза все еще отражали более глубокое, захватывающее чувство, вылившееся в долгим, долгим взгляде. Как он любил эти карие, глубоко прозрачной чистоты глаза с их меняющимся выражением! Как он любил этот взгляд, всегда заставлявший трепетать его сердце от счастья!

— Радость моя! — воскликнул он взволнованным голосом, поднимая свое лицо к ней. — Скажи, чем я заслужил такое счастье? Какое право имею я быть счастливым, когда вокруг так много горя и страданий? Я часто спрашиваю самого себя, что такое я сделал, чтобы заслужить твою любовь, и как отплатить за нее?

Она закрыла ему рот рукою. Ее удивительные глаза изменили свое выражение; их таинственная глубина как бы подернулась завесой, и дрожавшие на дне ее огоньки потухли. Они смотрели спокойно и серьезно.

— Нельзя так безумствовать, — сказала она. — Любовь женщины — не награда. Это свободный и обоюдный дар.

Ее выговор немного отрезвил Андрея, но только на минуту.

— Ты права; ты всегда права, моя дорогая. Но тем более должен я быть тебе благодарен. Я бы воспевал тебя в песнях, как это делали старинные трубадуры², если б только умел сочинять такие песни.

— Мой трубадур, — сказала она, улыбаясь, — что бы сказали наши революционеры, если б они услышали, что Андрей Кожухов — непреклонный, суровый Кожухов — предается таким излишаниям?

— Что ж, они бы только больше уверовали в меня, если знают толк в людях, — с живостью отвечал Андрей. — Поверь мне, только прирожденный трус боится, что в решительный момент его жизни

¹ Фимиам — благоухание, здесь в смысле восхваления.

² Трубадур — средневековый французский певец-поэт.

любовь к женщине может парализовать его силы. Они найдут меня готовым, когда мой час пробьет. И ты, моя ненаглядная, не правда ли, ты скажешь, как та дева-черкешенка:

Мой милый, смелее вверяйся ты року!

— Постараюсь, — ответила она с бледной улыбкой, любясь поднятым к ней счастливым и смелым лицом Андрея.

Никогда еще он не был ей так дорог, никогда еще она так не гордилась его любовью. Но возможность потерять его — эта возможность, которую она до сих пор допускала, не веря в нее, — теперь предстала в ее уме во всей страшной реальности.

С нервным порывом, противоречившим ее словам, она обвила руками его шею и крепко прижала к груди его голову, которая теперь была ей дороже всего на свете.

Громкий звонок, сопровождаемый двумя более слабыми, наполнил нестройными звуками их маленькую квартиру. Звонок этот означал приход друзей. Однако оба вздрогнули и посмотрели друг другу в лицо.

Андрей быстро поднялся и пошел отворять двери. Таня, оставшаяся на своем месте, сначала услышала радостное восклицание Андрея при виде неожиданного друга, но это приветствие замерло, как брошенный в топкое болото камень. Затем раздался быстрый подавленный шепот нескольких голосов, сменившийся зловещим молчанием. Андрей вернулся в комнату в сопровождении Жоржа и молодого человека, ей незнакомого. Андрей был бледен. У двух других был серьезный и грустный вид.

— Что случилось? — воскликнула с тревогой Таня, подымаясь к ним навстречу.

— Большая беда, — сказал Андрей. — Зина и Василий арестованы после упорного сопротивления. Оба будут приговорены к смерти через несколько недель. Вулич убита во время сопротивления.

Он опустил на стул и провел рукой по лбу. Оба гостя тоже сели. Незнакомец очутился против Тани, и их глаза встретились.

— Ватажко, — отрекомендовался он сам. — Я только что из Дубравника с этим известием и со специальным поручением к Андрею.

— Когда это случилось? — спросила она.

— Три дня тому назад, — отвечал Ватажко. — Полиция старалась держать все дело в тайне, но это невозможно. Завтра известие появится во всех газетах. Весь город уже говорит об этом.

Он стал излагать вполголоса подробности катастрофы. Но по мере своего рассказа он все более и более воодушевлялся и когда дошел до описания перестрелки с полицией, то пришел в настоящую экстаз. Действительно, самозащита была геройская. В глухую полночь полиция старалась тайком войти в

квартиру, занимаемую Зиной и Василием. Они отвинтили петли от наружных дверей и думали застать всех врасплох, в постели. Оно так бы и вышло, если бы, на счастье, Вулич не зачиталась поздно у себя в комнате. Она услышала подозрительный шум и, увидав входивших жандармов, выстрелила, когда те меньше всего этого ожидали. Несколькими выстрелами она заставила их отступить на лестницу и в продолжение двух-трех минут одна удерживала их, пока сама не упала, раненная в голову. Она была без признаков жизни, когда Василий подоспел к ней на помощь.

— Какая она оказалась львица, эта девочка! И какая прекрасная смерть! — невольно вырвалось у Андрея.

— Оставшиеся в живых, — продолжал Ватажко, — попытались пробиться с револьверами в руках, но это оказалось невозможным. Тогда они отступили во внутренние комнаты и забаррикадировались. Они сожгли все компрометирующие документы и не пускали полицию в продолжение получаса, пока не истратили всех зарядов. Затем они объявили, что сдаются.

Ватажко добавил, что, по полученным сведениям, их будут судить через несколько недель, вместе с Борисом. Зину разыскивали по его делу, и полиция очень обрадовалась, захватив ее наконец.

Василия будут судить с ними за вооруженное сопротивление. Нельзя было сомневаться, что все трое будут приговорены к смертной казни.

— Но этого допустить невозможно! — воскликнул Ватажко с жаром. — Мы освободим их силою! — Он вскочил со своего места в пылу возбуждения.

То расхаживая по комнате, то останавливаясь перед одним или другим и энергично жестикулируя, он объявил, что их кружок в Дубравнике решил сделать попытку освобождения. Все без исключения революционеры горячо сочувствуют этому делу. Волонтеров можно набрать сколько угодно между интеллигенцией и среди городских рабочих. Если только держать это предприятие в большой тайне, то оно может увенчаться успехом. Во всяком случае, они должны попытаться.

— Мы решили, — заключил он, обращаясь к Андрею, — что для такого важного дела необходимо назначить атамана, и единогласно выбрали вас. Меня послали, с тем чтобы рассказать вам все подробно и спросить, согласны ли вы присоединиться к нам?

Андрей поднял голову и посмотрел на посланца, явившегося с таким серьезным предложением.

— Хорошо ли вы взвесили ваш выбор? — спросил он. — Я еще не был атаманом ни в одном деле.

— Лучшего атамана, чем вы, мы и выдумать не могли бы! — воскликнул Ватажко.

Он объяснил причины, которые их побудили выбрать Андрея. Все члены тамошней организации знали его лично и доверяли ему вполне. Кроме того,

он был очень популярен среди местных революционеров, знавших его по репутации и готовых следовать за ним скорее, чем за кем-либо другим.

— Пусть будет по-вашему, — сказал Андрей. — В таком деле я готов служить в какой угодно роли.

— Я так и говорил им, я так и говорил! — повторял Ватажко, с жаром потрясая Андрея за руку. — Мы все того мнения, что вам незачем ехать в Дубравник сейчас. Если полиция узнает, что вы там, она сейчас же насторожит уши. Вам лучше оставаться здесь до поры до времени. Мы будем сообщать вам все до мельчайших подробностей и советоваться с вами...

Андрей снова был оторван от спокойной работы и счастливой, безмятежной жизни, снова брошен в водоворот революционного потока.

Он съездил на короткое время в Дубравник с целью позондировать почву. Там он узнал, что Бочаров, на участие которого в предстоящем деле он рассчитывал, и сестры Дудоровы были арестованы несколько дней тому назад. Это было очень некстати. Сперва Андрей не придавал большого значения самому факту их заарестования и надеялся, что их скоро выпустят. Но вскоре после его приезда Варя Воинова явилась к нему. Она пришла после свидания с некоторыми из арестованных и от них услышала вести, заставившие ее плакать от досады и негодования.

Миронова, с которым Андрей и Василий встретились на пикнике сестер Дудоровых, арестовали три месяца назад. С первых же дней он выкинул белый флаг. Теперь, чтобы выпутаться и выйти на свободу, этот негодяй стал признаваться во всем, что знал и о чем лишь догадывался, выдавая массу людей.

Благодаря его показаниям Бочаров и сестры Дудоровы были арестованы. Он, между прочим, подробно рассказал о злополучном пикнике в лесу, называя всех присутствовавших. Этот инцидент, незначительный сам по себе, устанавливал факт знакомства Дудоровых и Бочарова с такими деятельными революционерами, как Андрей и Василий. Всех троих собирались судить вместе с Борисом, Зиной и Василием, и их дело принимало, таким образом, очень серьезный оборот.

Во всем остальном Андрей вынес, скорее, благоприятные впечатления. Обстоятельства задуманного освобождения в Дубравнике складывались гораздо лучше, чем он ожидал. Под рукой оказались превосходные боевые силы, и он составил великолепный план действия. Имелись порядочные шансы на успех, да еще и на какой грандиозный успех! В нем проснулись инстинкты бойца. Что же до опасностей — он о них не думал и в глубине души не верил в их существование.

Он вернулся к Тане возбужденный и счастливый.

Но для нее дни безмятежного спокойствия прошли. Она знала, что Андрей прав, что оставаться позади в таком деле он не может. Но это сознание доставляло ей мало утешения. Оно не разгоняло ее тревог и опасений за него.

Часть третья

ВСЕ ДЛЯ ДЕЛА

Глава I ЗАЙКА

Одно из предместий богоспасаемого города Дубравника носит название «Валы» — название, которое звучит довольно странно теперь, когда ни на улицах, ни между большими огородами и запущенными садами этой местности не найдется ни одного холмика.

По всей вероятности, название это более соответствовало действительности во времена оны, когда это место впервые было вызвано к жизни главным образом помещиками в их поисках за городскими резиденциями. Многие из домов и по сию пору сохраняли еще следы своего происхождения. Обширные дворы окружены многочисленными службами для размещения десятков слуг, неизменно сопровождавших господ в их периодических переселениях в города. Конюшни, каретные сараи, бани свидетельствуют о попытке наших отцов сохранить по возможности помещичий строй жизни. Самые дома — те из них, которые еще не пошли на слом для замены новыми, — большей частью деревянные, не без претензии на архитектуру. Там и сям можно видеть балконы с карнизами и балюстрадами в виде украшения, маленькие башни со спиральями, зубчатые двери и окна, указывающие на капризы фантазии у людей со своего рода артистическими наклонностями.

После освобождения крестьян эти дома от бывших помещиков перешли в руки скупщиков-купцов, так часто заступающих место дворян. Кулаки и спекуляторы разных наименований недолго оставались в домах, не подходящих для деловых операций и мало для них привлекательных в других отношениях. Они жили в качестве неприятелей, овладевших городом после осады и оставшихся там лишь на время, для того только, чтобы все имеющее какую-либо ценность превратить в деньги.

Еще раз «Валы» переменили свой вид и население. Дома, службы и пристройки снимались большей частью мещанами и рабочими. В их глазах главной приманкой была земля, сдававшаяся при домах, — сады и огороды, в которых возделывались овощи. Дома они сдавали жильцам из господ; сами